

Пэй Мяо опешил от этого подросткового максимализма. Он уже собрался развернуться и уйти, как услышал знакомые шаги — они приближались.

В поле зрения возник Гу Циянь. Он остановился в шаге от него и холодно произнёс:

— Мяомяо, идём домой.

— Мяу! — Пэй Мяо тут же воспрял духом, радостно подбежал к Гу Цияню и, обхватив его ногу, запросился на руки.

Но Гу Циянь не шелохнулся, а просто развернулся и ушёл. Пэй Мяо замер, явно не понимая, что происходит, и лишь спустя мгновение бросился за ним.

Третий принц, оставшийся в одиночестве, с горькой усмешкой поднялся, отряхнул с одежды песок, несколько секунд смотрел вслед удаляющемуся Пэй Мяо и наконец направился во Дворец Чжаоян.

Выйдя от Императора Цинлуна, Гу Циянь сразу вернулся во Дворец Чансинь, но ожидаемого котёнка там не оказалось. Расспросив слуг, он узнал, что Пэй Мяо отправился в Императорский сад.

Он прошёл весь путь от Дворца Чансинь до сада и наконец на тропинке увидел маленькую кошачью фигурку, а рядом — Гу Цимина. Они стояли совсем близко, Гу Цимин что-то говорил, улыбаясь.

Эта картина резанула Гу Цияня по глазам. Не думая, он вышел из тени и холодно бросил:

— Мяомяо, идём домой.

Он даже не задумался, что будет делать, если Пэй Мяо не пойдёт за ним.

В тот момент он, наверное, сошёл бы с ума.

К счастью, его Мяомяо послушно подошёл к нему.

Когда котёнок стал тереться о ногу, просясь на руки, Гу Циянь явно почувствовал, как отпускает, но внутреннее раздражение заставило его устоять — он не взял его, а просто повернулся и пошёл прочь.

Сделав первый шаг, он уже пожалел. Повернуться было неловко, и он медленно зашагал дальше, хотя все мысли были прикованы к котёнку позади.

Один шаг, два, три... Он отсчитал уже десять шагов, а за спиной — ни звука. Гу Циянь сжал губы, сдерживая желание обернуться, и его шаги заметно замедлились.

К счастью, вскоре он услышал знакомое шуршание по траве — совсем не такое изящное, как у других кошек.

Казалось, котёнок почувствовал его гнев и шёл осторожно, не смея приблизиться, лишь робко следовал поодаль. Гу Циянь почти видел его жалкий и невинный вид.

Пройдя ещё немного, Гу Циянь почувствовал, как гнев понемногу утихает.

Он резко остановился. Котёнок, застигнутый врасплох, тут же спрятался в траве, и, когда Гу

Циянь обернулся, из зарослей выглядывала лишь пара невинных глаз, полных мольбы.

Гу Циянь готов был расхохотаться. Каждый раз этот маленький проказник во всём виноват, и каждый раз он же выглядит невиннейшим созданием — хоть плачь, хоть смейся.

Вот и сейчас: ревнует он, утешения требует он, а тот, кого ревнуют, смотрит, словно его бросили. И любить его невозможно, и ругать не получается, лишь и остаётся, что схватить да отшлёпать как следует.

Но на деле — рука не поднимается.

— Мяу... — Из травы донёлся робкий зов, мягкий, как пёрышко. Остатки гнева в Гу Цияне лопнули, словно воздушный шарик.

Но он всё же не взял котёнка на руки, а просто пошёл дальше. Маленький негодник снова поплёлся следом, по-прежнему не приближаясь, уныло бредя позади.

Вернулись во Дворец Чансинь как раз на закате. Сяо Доуцзы распорядился подать ужин.

Обычно Пэй Мяо ужинал вместе с Гу Циянем, и сегодня не стало исключением. Вот только Гу Цияню было не по себе, и он в одностороннем порядке начал холодную войну, отчего атмосфера за столом стала непривычно тяжёлой.

Придворные, привыкшие к тому, как их принц и Государственный Наставник «сыпят соль на рану» влюблённым, сбились с толку и принялись переглядываться.

«Что с нашим принцем? Он даже не покормил Господина Наставника».

«И я не пойму. Не похоже на обычные их нежности. Может, принц охладел? Бедный Государственный Наставник, жалко его до слёз».

«А мне кажется, наш принц просто ревнует. Вглядитесь — на лице прямо написано „ревнивый муж“».

«Верно. Наш принц, наверное, ревнует. Пошёл в Императорский сад искать Государственного Наставника, а там опять кто-то заигрывает. Честно говоря, ему и вправду несладко — столько людей глаз положили на Государственного Наставника, как тут не ревновать?»

«Э-э, кажется, я один из тех, кто положил глаз на Государственного Наставника...»

«Я тоже... Ладно, лучше помолчу».

«... И я помолчу».

Пэй Мяо рассеянно облизывал мясное пюре на тарелке, то и дело поглядывая на Гу Цияня.

Он чувствовал, что Гу Циянь на него зол, но не понимал — почему.

Родители Пэй Мяо погибли в автокатастрофе, когда он был ещё школьником. Его воспитывала бабушка. Доходов у неё не было, жили на средства младшего сына, а когда на руках оказался ещё и Пэй Мяо, жизнь стала совсем тяжкой.

После смерти бабушки Пэй Мяо переехал к дяде. Жить в чужом доме было непросто, особенно под презрительными взглядами дяди и тётки. Хорошо ещё, характер у Пэй Мяо был крепкий —

не сломался, лишь стал чувствительнее.

Друзей у него было много, а вот близких — никого. Из-за семейных обстоятельств он всегда осторожно держал дистанцию, словно кот, что смотрит в окно, но крепко хранит свой маленький мирок — никому не отдаёт и сам никуда не выходит.

Гу Циянь стал первым другом, которого Пэй Мяо завёл в Великой Юй. Он очень его ценил — не только за еду и игры, а за всю ту заботу и ощущение, что тебя любят всем сердцем.

Потому он и дорожил Гу Циянем — даже больше, чем сам думал. Стоило Гу Цияню нахмуриться, как Пэй Мяо терял аппетит.

Рассеянно вылизав тарелку с мясом, Пэй Мяо облизнулся и окинул стол взглядом. Его глаза остановились на блюде с жареными рыбными ломтиками. Оно стояло далековато, как раз рядом с правой рукой Гу Цияня.

Пэй Мяо посмотрел на рыбные ломтики, потом на Гу Цияня, потом снова на ломтики. В конце концов, он не выдержал и жалобно мяукнул:

— Мяу!

Рука Гу Цияня с палочками замерла. Он так и не поднял головы, лишь сжал губы, в глазах мелькнула борьба.

Обычно, когда Государственный Наставник мяукал за столом, это означало лишь одно: «Хочу вот это». Правда, чаще ему и мяукать не приходилось — достаточно было взгляда, и Гу Циянь уже понимал, чего тому нужно, и подавал прямо к мордочке.

Но сегодня было исключение.

Придворные переглядывались, челюсти у них чуть не отвисли. Невиданное дело: «Второй принц проигнорировал просьбу Государственного Наставника и ответил холодным молчанием!»

Взгляд Пэй Мяо померк. Он попытался снова, ещё жалобнее:

— Мяу! — Но ответа снова не последовало.

Во Дворце Чансинь воцарилась звенящая тишина.

Хвост у Пэй Мяо опустился, весь он словно поник, уткнувшись головой, не зная, что и думать.

А через мгновение он спрыгнул со стула, грациозной кошачьей походкой подбежал к Гу Цяню, встал на задние лапы на маленькой скамеечке рядом, вытянулся во весь рост, словно человек, одной передней лапкой уцепился за край стола, а другой потянулся к рыбным ломтикам.

Увы, стол был высок, а кот — мал. Сколько ни тянулся он лапкой, до блюда не достать. И все присутствующие наблюдали, как из-за стола выглядывает полкошачьей головы, а пушистая лапка отчаянно машет в воздухе. Серьёзный и сосредоточенный вид был до того мил, что мог убить наповал.

Ванцай хотел было помочь, но едва сделал шаг, как главный евнух оттащил его назад, покачал головой, указал на молчащего Второго принца и снова устроился поудобнее, наслаждаясь зрелищем.

Главный евнух, проведший во дворце десятки лет, повидал на своём веку всяких хитростей в искусстве «привлечения внимания». Чтобы завоевать благосклонность Императора, наложницы шли на всё.

<http://bllate.org/book/16288/1467862>